

Новые знакомства

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Джойс

Давайте-ка начнем с Элизабет, хорошо? И посмотрим, что из этого выйдет.

Я ее, конечно, знала: Элизабет здесь все знают. Она из квартир на три спальни в Ларкин-корт*. Вроде бы из угловой, с балкончиком. И еще я в одной викторине играла в команде со Стефаном, а он, по стечению многих обстоятельств, третий муж Элизабет.

Это случилось за ланчем месяца два или три назад и, должно быть, в понедельник, потому что подавали пастуший пирог. Элизабет сказала: да, она видит, что я сейчас ем, но ей хотелось бы задать вопрос про ножевую рану, так не будет ли это бестактностью.

Я ответила: «Ничего, спрашивайте, конечно» или что-то в этом роде. Я не всегда точно все запоминаю, лучше уж сразу вам сказать. Тогда она открыла папку, в которой я увидела бумаги и, кажется, краешки старых фотографий. А затем перешла прямо к делу.

Элизабет попросила меня представить, что некую девушку ударили ножом. Я спросила, каким ножом, а Элизабет сказала, что, вероятно, обычным кухонным. «Джон Льюис». Марку она не назвала, но я представила именно такой нож. Потом она попросила вообразить, что преступник ударил

* Многоквартирные дома в поселке называются по именам известных поэтов — Ларкин, Рёскин, Вордсворт и т. д. *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

девушку три или четыре раза, точно под грудь. Ударил — выдернул, ударил — выдернул, мерзкие раны, но артерию не задело. Элизабет говорила довольно тихо, потому что люди ели, а она все же привыкла держаться в рамках приличия.

И вот когда я представила себе эти ножевые раны, она меня спросила, за какое время та девушка истекла бы кровью до смерти.

Кстати, мне следовало бы раньше упомянуть, что я много лет была медсестрой, а то вам такой разговор может показаться странным. Элизабет об этом откуда-то прознала, она все знает. Словом, потому она ко мне и обратилась. Вы, верно, удивляетесь, к чему я веду. Даю слово, я все объясню.

Я, помню, промокнула губы, прежде чем отвечать, — как иногда показывают по телевизору. Это придает вам умный вид, сами попробуйте. Я спросила, сколько весила девушка.

Элизабет нашла в конверте нужный лист, поводила пальцем и прочитала, что вес девушки сорок шесть килограммов. Это нас обеих сбilo с толку — ни она, ни я не знали, сколько будет сорок шесть килограммов в нормальных единицах измерения. Я в уме подсчитала, вышло что-то около двадцати трех стоунов*. Мне казалось, считается два к одному. Но я сразу спохватилась, что, наверное, перепутала с дюймами и сантиметрами.

Элизабет меня заверила, что двадцать три стоуна та девушка точно не весила, у нее в конверте была фотография

* Стоун (или стон) — британская единица измерения массы, обычно используется, когда речь идет о массе тела человека. Равняется приблизительно 6,35 килограмма.

Прим. ред.

трупа. Затем сунула мне конверт и обратилась к залу: «Спросите кто-нибудь у Бернарда: сорок шесть килограммов — это сколько?»

Бернард всегда садился один за маленький столик ближе к патио. Стол номер восемь. Это вам знать ни к чему, но про Бернарда я немножко расскажу.

Он был очень добр ко мне, когда я только перебралась в Куперсчейз. Принес мне клематисов и объяснил порядок вывоза мусора. Здесь четыре бачка разных цветов. Четыре! Спасибо Бернарду, я теперь знаю, что зеленый — для стекла, а голубой — для бумаги и картона. Насчет красного и черного можете гадать с тем же успехом, что и я. Чего я только не видела, проходя мимо. В один из них кто-то запихнул факсимильный аппарат.

Бернард раньше был профессором каких-то естественных наук, работал по всему миру, даже в Дубае побывал, когда об этих Эмиратах никто еще и не слышал. Он одевался к ланчу по всей форме, в костюме с галстуком, а вот читал при этом «Дейли экспресс».

Мэри из Рёскин-корта, сидевшая за соседним столиком, отвлекла его от газеты и спросила, сколько будет сорок шесть килограммов в стоунах.

Бернард кивнул и повернулся к Элизабет.

— Чуть больше семи и трех десятых.

Такой у нас Бернард.

Элизабет его поблагодарила и сказала, что вроде бы похоже на правду, после чего Бернард снова занялся кроссвордом. Я потом проверила насчет сантиметров и дюймов — хоть в этом я не ошиблась.

Элизабет вернулась к вопросу. Сколько прожила бы девушка после нескольких ударов кухонным ножом? Я предположила, что, если ей не оказали помощи, она, вероятно, умерла бы минут через сорок пять.

— Да, вот именно, Джойс, — сказала Элизабет и снова стала спрашивать: — А если бы девушке оказали помощь? Не врач, но человек, способный затампонировать рану. Например, отслуживший в армии. Или вроде того.

Я в свое время навидалась ножевых ран. Мне ведь приходилось иметь дело не только с растянутыми лодыжками. Вот я и сказала, что тогда она бы вообще не умерла. И действительно, не умерла бы. Рана нешуточная, но ее без труда залатали бы.

Элизабет покивала и ответила, что она точно так и сказала Ибрагиму, хотя я тогда еще не была знакома с Ибрагимом. Я же говорю, с тех пор прошла пара месяцев.

Элизабет заподозрила, что дело тут нечисто, и предположила, что девушку убил ее парень. Я знаю, такое часто случается. Вы наверняка о таком читали.

Наверное, до переезда подобный разговор меня удивил бы, но, когда тут со всеми познакомишься, понимаешь, что это в порядке вещей. На прошлой неделе я разговори-лась с человеком, который изобрел мятное мороженое с шоколадной крошкой, если не врет, конечно. Проверить-то мне негде.

Я рада была немножко помочь Элизабет и решила, что вправе рассчитывать на ответную услугу. Спросила, можно ли мне посмотреть фотографию трупа. Чисто профессиональный интерес.

Элизабет просияла, как просиял бы кто другой в ответ на просьбу показать снимки выпускного вечера внука или внучки. Она вытянула из папки ксерокопию на листе А4, положила передо мной чистой стороной вверх и сказала, что я могу оставить себе, у них у всех уже есть копии.

Я ответила, что она очень добра, а она — что не стоит благодарности и что нельзя ли задать мне еще один, последний вопрос.

— Конечно, — сказала я.

И она спросила: «Вы по четвергам не заняты?»

Можете мне не верить, но я тогда впервые услышала про четверги.

ГЛАВА 2

Констебль Донна де Фрейтас хотела бы иметь личное оружие. Она предпочла бы гоняться за серийными убийцами по пустынным складам, угрюмо делать свое дело, не обращая внимания на кровоточащую пулевую рану в плече. Может быть, научиться пить виски и завести роман с напарником.

Но пока двадцатишестилетняя Донна сидит за ланчем — без четверти двенадцать! — с четырьмя незнакомыми пенсионерами и понимает, что до серийных убийц ей еще расти и расти. Впрочем, она готова признать, что последний час выдался довольно забавным.

Донна много раз проводила занятия «Практика домашней безопасности». И сегодня, как обычно, ее слушали пожилые люди: укутанные пледами колени, бесплатное печенье, кто-то блаженно похрапывает в заднем ряду. Каждый раз она советует одно и то же. Непременно, обязательно запирайте окна, проверяйте удостоверения и никогда не давайте никаких личных сведений по телефону. Главная ее задача — показать себя как надежную опору в ужасающем мире. Донна это понимает, к тому же это повод оторваться от бумаг и сбежать из участка, так что она сама вывзалась. Полицейский участок в Файрхэвене для Донны слишком уж сонный.

А сегодня она попала в поселок пенсионеров в Куперсчейзе. С виду совершенно мирный. Зелено, сонно и безмятежно,

а подъезжая, она высмотрела симпатичный паб, чтобы пообедать на обратном пути. Так что с рукопашными и преследованием маньяков на скоростном катере придется подождать.

— Безопасность, — начала Донна, одновременно размышляя, стоит ли делать татуировку. С дельфином, пониже спины. Или это слишком избито? А больно будет? Наверное, будет, но она офицер полиции или кто? — Что мы подразумеваем под словом «безопасность»? Ну, разные люди понимают это слово по-...

В переднем ряду кто-то поднял руку. Что было не совсем обычно, и к тому же лекция только началась. Женщина за восемьдесят в безупречном платье хотела что-то сказать.

— Дорогая моя, мы все надеемся, что вы не будете учить нас запирать окна.

Женщина оглядела сидящих и дождалась одобрительного бормотания.

За ней вступил втиснутый в ходунки джентльмен из второго ряда:

— И пожалуйста, не надо про удостоверения. Про удостоверения мы уже все знаем. «Вы правда из газовой компании или вы взломщик?» Мы усвоили, честное слово.

И началось!

— Теперь не газовая компания, теперь «Центрика», — заметил мужчина в отличном костюме-тройке.

Тот, что сидел рядом с ним, — в шортах, шлепанцах и рубашке с эмблемой «Вест Хэм Юнайтед»^{*} — не упустил случая вскочить и ткнуть пальцем, ни в кого конкретно не целя.

— Скажи спасибо Тэтчер, Ибрагим. Когда-то это был наш газ!

^{*} Футбольный клуб Стратфорда.

— Ох, сядь ты, Рон, — одернула его женщина в изящном платье. И, обращаясь к Донне, добавила, медленно качая головой: — Прошу прощения за Рона.

Шум не умолкал.

— Что это за преступник, если он не умеет подделывать удостоверения?

— У меня катаракта. Сунь мне под нос библиотечный билет, я и впущу.

— Да теперь счетчики и не проверяют. Всё в Сети.

— В облаке, дорогая.

— Я бы даже обрадовалась взломщику. Хоть кто-то бы навестил.

Наконец возникло недолгое затишье. И какофония свиста: одни включали слуховые аппараты, другие их выключали. Женщина из первого ряда снова приняла командование:

— Так вот... я, кстати говоря, Элизабет... не надо про оконные задвижки, прошу вас, и про удостоверения, и можете не рассказывать, что нельзя называть свой ПИН позвонившему по телефону нигерийцу. Если еще позвоительно называть их нигерийцами.

Донна де Фрейтас собралась с силами, но про ланч на обратном пути и про тату она больше не думала — вспоминала курс по противодействию уличным беспорядкам, прослушанный в старые добрые времена в Лондоне.

— Но тогда о чем же мы будем говорить? — спросила она. — Я должна чем-то занять сорок пять минут, а то мне не дадут отгул.

— Институциональный сексизм в полицейской службе? — предложила Элизабет.

— Я хотел бы послушать о противозаконном расстреле Марка Дугана — с санкции властей и...

— Сядь, Рон!

Так весело и приятно они провели час, после чего Донну горячо поблагодарили, показали ей фотографии внуков и пригласили остаться на ланч.

И вот она ест салат в «первоклассном современном ресторане» — если верить меню. Без четверти двенадцать рановато для ланча, но какой же полицейский откажется от дармового угощения? Донна отмечает, что пригласившая ее четверка не только управляет с полноценным ланчем, но и откупорила бутылку красного вина.

— В самом деле, изумительное выступление, Донна, — говорит Элизабет. — Нам ужасно понравилось.

Элизабет напоминает Донне тех учителей, которые месяцами наводят на тебя страх, а потом выводят «отлично» в году и плачут, расставаясь. Может быть, дело в твидовом пиджаке.

— Ослепительно, Донна, — подхватывает Рон. — Можно мне называть вас Донна, милочка?

— Можете называть меня Донной, но милочкой, пожалуйста, не стоит, — говорит ему Донна.

— И то верно, дорогуша, — соглашается Рон. — Запомню. Да, насчет той истории про украинца с парковочными талонами и цепной пилой. Вы можете недурно зарабатывать вечерними выступлениями. Я знаю кое-кого, хотите, дам телефон?

Салат — объедение, думает Донна, а она нечасто так думает.

— Из меня, наверное, вышел бы потрясающий контрабандист.

Это вступает Ибрагим — тот, кто на лекции упомянул «Центрику».

— Все дело в логистике, не так ли? И еще в развеске, а это я с удовольствием, развешу самым точным образом.

А для счета денег у них теперь машинки. Все по-современному. Вы когда-нибудь ловили наркоторговца, констебль де Фрейтас?

— Нет, — признается Донна, — хотя планирую.

— Но правда, что у них есть машинки для пересчитывания денег? — интересуется Ибрагим.

— Да, есть, — говорит Донна.

— Удивительно. — Ибрагим приканчивает свой бокал вина.

— Мы быстро начинаем скучать, — добавляет Элизабет, тоже опустошив свой бокал. — Упаси нас бог от оконных задвижек, женщина-констебль де Фрейтас.

— Теперь говорят просто констебль, — сообщает Донна.

— Понятно, — поджимает губы Элизабет. — А если я все-таки буду говорить: женщина-констебль? Вы меня арестуете?

— Нет, но стану думать о вас чуточку хуже, — отвечает Донна. — Потому что это ведь такая малость, а вы оказались бы мне уважение.

— Черт! Шах и мат. Ладно! — говорит Элизабет и губ больше не поджимает.

— Спасибо, — говорит Донна.

— Угадайте, сколько мне лет, — спрашивает ее Ибрагим.

Донна колеблется. Ибрагим хорошо одет, у него прекрасная кожа. И пахнет от него замечательно. И в нагрудном кармашке искусно сложенный платок. Волосы редют, но сохранились. Ни брюшка, ни второго подбородка. И все же, если заглянуть глубже? Хм. Донна смотрит на руки. Руки всегда выдают возраст.

— Восемьдесят? — решается она.

И видит, как паруса Ибрагима опадают, теряя ветер.

— Да, угадали. Но я выгляжу моложе. Я выгляжу на семьдесят четыре. Все подтвердят. А все дело в пилатесе.

— А вы что о себе расскажете, Джойс? — обращается Донна к четвертой в компании — маленькой седой женщине в лавандовой блузке и сиреневом кардигане. Та сидит с совершенно счастливым видом, упиваясь разговором. Рот на замке, зато глаза сияют. Как притихшая птичка, высматривающая, не блеснет ли что на солнце.

— Я? — отзывается Джойс. — Мне и сказать нечего. Была медсестрой, потом мамой и снова медсестрой. Боюсь, ничего интересного.

Элизабет коротко фыркает.

— Вы ей не верьте, констебль де Фрейтас. Джойс из тех, кто доводит дело до конца.

— Просто я дисциплинированная, — говорит Джойс. — Это теперь немодно. Если я сказала, что буду ходить на зумбу, значит, пойду на зумбу. Такая уж я есть. Интересный человек в нашей семье — моя дочка. Она заведует хедж-фондом, если вы представляете, что это такое.

— Вообще-то не представляю, — признается Донна.

— И я, — соглашается Джойс.

— Зумба была до пилатеса, — говорит Ибрагим. — Я считаю, совмещать их не стоит. Для основных групп мышц это противоестественно.

На протяжении всего ланча Донну глодал один вопрос.

— Можно мне спросить? Я понимаю, что все вы живете в Куперсчейзе, но как вышло, что вы четверо стали друзьями?

— Друзьями? — кажется, Элизабет смешно. — О, дорогая, мы не друзья.

Рон хихикает.

— Господи, любовь моя, какие мы друзья! Тебе до-
лечь, Лиз?

Элизабет кивает, и Рон подливает вина. Пошла в ход вторая бутылка. Часы показывают 12:15.

Ибрагим поддерживает:

— Не думаю, что здесь подходит слово «друзья». Мы не стали бы просто так общаться, у нас очень разные интересы. Рон мне, пожалуй, нравится, но с ним бывает трудно.

Рон кивает.

— Еще как трудно!

— А у Элизабет слишком обескураживающие манеры.

Элизабет кивает.

— Боюсь, что так и есть. Я всегда была не на всякий вкус. Еще со школьных лет.

— Джойс мне нравится. Думаю, Джойс нам всем нравится, — говорит Ибрагим.

Рон с Элизабет снова кивают.

— Спасибо, конечно. — Джойс гоняет горошины по тарелке. — Вам не кажется, что пора бы уже кому-то изобрести плоский горошек?

Озадаченная Донна пытается разобраться:

— Но если вы не друзья, то кто же?

Донна видит, как Джойс, подняв глаза, качает головой и оглядывает остальных — совершенно невероятное собрание.

— Ну, — говорит Джойс, — во-первых, мы, конечно, друзья, просто до них немножко с запозданием доходит. И во-вторых, констебль де Фрейтас, если в приглашении это не прозвучало, так только по моей оплошности. Мы — Клуб убийств по четвергам.

У Элизабет от красного вина стеклянно блестят глаза; Рон почесывает татуировку «Вест Хэм» на шее, а Ибрагим полирует и без того блестящую запонку.

Ресторан понемногу заполняется, и Донна — не первая из посетителей Куперсчейза — думает, что это не худшее

место для жизни. Она убить готова за бокал вина и свободный день.

— А еще я каждый день плаваю, — заключает Ибрагим. — Чтобы сохранить упругость кожи.

Куда она попала?

ГЛАВА 3

Если вы когда-нибудь надумаете выехать из Файрхэвена по A21 в сердце кентского Уилда, вам попадется на дороге старая телефонная будка, до сих пор работающая, — на крутом повороте налево. Поезжайте еще ярдов сто до знака: «Уайтчерч, Эббот-Хатч и Лентс-Хилл», а за ним поверните направо. Проедете через Лентс-Хилл мимо «Голубого дракона» и маленького магазина фермерских продуктов с большим яйцом перед входом и попадете к каменному мостику через Робертсмер. Робертсмер считается рекой, но не дайте сбить себя с толку и не надейтесь увидеть что-то величественное.

Сразу за мостом съезд на однополосную дорогу. Вам покажется, будто она ведет не в ту сторону, но так быстрее, чем по маршруту из официальной брошюры, да и живописнее, если вы любите живые изгороди с гибискусом. Под конец дорога расширяется, и сквозь высокие деревья на склоне холма можно увидеть признаки жизни. Впереди показывается крошечная деревянная автостанция, она тоже работает, если один автобус в день туда и обратно считать работой. Перед самой автобусной остановкой слева вы увидите указатель на въезд в Куперсчейз.

Строить Куперсчейз начали лет десять назад, когда католическая церковь продала эту землю. Первый жилец,

а именно Рон, въехал тремя годами позже. Реклама говорила о «первом в Британии люкс-поселке для пенсионеров», хотя Ибрагим, а он проверял, говорит, что это седьмой. Сейчас в поселке около трехсот проживающих. Сюда нельзя въехать, пока вам не исполнилось шестидесяти пяти, и каждый день, проезжая по защитной решетке от скота*, доставочные фургоны «Уэйтроуз» позвякивают винными бутылками и лекарственными пузырьками.

Господствующую над Куперсчейзом высоту занимает старинный монастырь, от которого спиралью расходятся улицы новой застройки. Сто с лишним лет здание монастыря полнилось тишиной, сухим шелестом монашеских ряс и спокойной уверенностью в молитвах, которые непременно будут услышаны. В его темных коридорах мелькали женщины, искавшие безмятежного покоя, женщины, напуганные набирающим скорость миром, женщины в поисках убежища и даже женщины, с радостью служившие высшей цели. Вы нашли бы в нем ряды узких кроватей в дортуарах, длинные столы в трапезной, часовню, такую темную и тихую, что можно поклясться: в ней слышно было дыхание Бога. Короче, вы нашли бы там сестринскую обитель Святой Церкви, армию, которая не оставит в беде, накормит, оденет и всегда будет в вас нуждаться и вами дорожить. Взамен требовалось всего лишь посвятить жизнь Богу, и желающие всегда находились. А потом наступал день, когда вы отправлялись в короткое путешествие вниз по холму, сквозь тоннель между деревьями в Сад вечного покоя — его чугунные ворота и низкая каменная стена смотрели на монастырь и бесконечную красоту холмов кентского

* Решетка, которая кладется над специально выкопанной ямой и не дает животным пересекать дорогу. *Прим. ред.*

Уилда, тело снова получало отдельную постель под простым каменным надгробием рядом с сестрами Маргарет и сестрами Мэри из прошлых поколений. Если у вас были мечты, они оставались витать над зелеными холмами, а если были тайны, они навсегда оставались схоронены в надежных четырех стенах монастыря.

Нет, точнее сказать, в трех стенах, поскольку западную теперь снесли подчистую, освобождая место плавательному комплексу для проживающих. Он стоит над лужайкой для боулинга и тянется к гостевой парковке, въезд на которую ограничен такими строгими правилами, что парковочный комитет Куперсчейза представляется высшим советом заговорщиков.

Кроме плавательного бассейна в комплекс входит небольшой «бассейн для терапии артрита», очень похожий на джакузи, в основном потому, что это джакузи и есть. Владелец, Ян Вентам, проводя экскурсию, непременно покажет посетителю сауну. Он всегда приоткрывает дверь на малую щелочку и произносит: «Надо же, да здесь как в сауне!» Ян — он такой.

Теперь поднимемся на лифте в комнаты для отдыха. Тренажерный зал и студия, где проживающие могут весело отплясывать зумбу среди призраков монашеских коек. Еще есть Мозаичная комната для тихих игр и занятий. Есть библиотека и зал для более многочисленных и шумных собраний — или для просмотра футбола по телевизору с плоским экраном. Потом мы снова спустимся на первый этаж, где длинные низкие столы монастырской трапезной принадлежат теперь «первоклассному современному ресторану».

В самом центре поселка сохранилась старая часовня, примыкающая к монастырю. Светлая кремовая штукатурка придает ей почти средиземноморский вид на фоне